

настроение читать

Эрнест Хемингуэй

Прощай,
оружие!

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
X 37

A Farewell To Arms
by Ernest Hemingway

Перевод с английского Андрея Степанова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-26880-7

© А. Д. Степанов, перевод, 2025
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

Книга первая

1

В тот год в конце лета мы стояли в деревне, в доме, из окон которого открывался вид на реку, равнину и дальше — на горы. Русло реки устилали галька и валуны, сухие и белые на солнце, а вода, прозрачная, голубая, быстро преодолевала протоки. Войска шли мимо дома по дороге, и поднимаемая ими пыль оседала на листьях деревьев. Стволы деревьев тоже были пыльными, а листья в тот год начали облетать рано, и мы видели, как солдаты поднимали пыль на дороге и как листья срывались от порывов ветра, а солдаты все шли и шли, а потом дорога оставалась белой и пустой, если не считать опавших листьев.

На равнине росла пшеница, там было множество фруктовых садов, а за ними начинались горы, бурые и голые. В горах шли бои, и по ночам мы видели вспышки от артиллерийских залпов. В темноте они были похожи на летние зарницы, но ночи стояли прохладные, и приближения грозы не чувствовалось.

Иногда в темноте мы слышали, как под окном проходят войска и тягачи провозят артиллерий-

ские орудия. Ночью движение оживлялось, по дороге тащились мулы, груженные ящиками с боеприпасами по бокам выючных седел, катились серые грузовики, в одних ехали люди, в других, двигавшихся в потоке машин медленнее, перевозили покрытые брезентом грузы. Иногда тягачи и днем тащили тяжелые орудия, длинные стволы которых были прикрыты зелеными ветками. Тягачи тоже маскировали зелеными ветками и виноградными лозами.

На севере, за долиной, виднелась каштановая роща, а за ней еще одна гора на этой стороне реки. За эту гору раньше тоже шли бои, но они не увенчались успехом. Осенью, когда начались дожди, с каштанов опали листья, ветки оголились, а стволы почернели от влаги. Поредевшие виноградники тоже обнажили ветви, и вся местность осенью казалась сырой, бурой и мертвой. Над рекой стоял туман, а над горами нависли тучи, грузовики разбрызгивали грязь на дороге, а солдаты брели в грязных и мокрых плащ-палатках. Винтовки тоже были мокрые, а под плащ-палатками виднелись по две кожаные патронные коробки на ремнях — серые кожаные коробки, тяжелые от обойм узких и длинных патронов 6,5-миллиметрового калибра и топорщившиеся под накидками так, что проходившие по дороге мужчины казались беременными на шестом месяце.

Мимо на высокой скорости проносились небольшие серые легковые автомобили. Обычно

рядом с водителем сидел офицер, а на заднем сиденье — еще несколько. От этих машин грязи было больше, чем даже от грузовиков. Иногда на заднем сиденье между двумя генералами ехал офицер маленького роста — настолько маленького, что лица его было не разглядеть, а виднелись только верх его фуражки и узкая спина. И машина мчалась на полной скорости: вероятно, это был сам король. Он жил в Удине и почти каждый день выезжал посмотреть, как идут дела, а дела шли хуже некуда.

С начала зимы дожди шли каждый день, и тогда началась холера. Но ее удалось подавить, и в конечном итоге в армии от нее умерли всего семь тысяч человек.

2

В следующем году мы одержали много побед. Гора за долиной и склон холма с каштановой рощей оказались отбиты, были одержаны победы и за равниной, с юга плато. В августе мы форсировали реку и переместились в Горицию, в дом с фонтаном и множеством густых тенистых деревьев в саду, окруженном стеной, и лиловыми гроздьями глицинии, покрывшими боковую сторону дома. Бои шли теперь в соседних горах, не более чем в миле от нас. Городок был отличный, и наш дом тоже очень хороший. Река осталась позади нас, и город мы заняли с легкостью, но следом взять горы не получилось. Меня радо-

вало, что австрийцы, похоже, надеялись вернуться сюда, когда закончится война, и оттого не стремились разрушить городок, а лишь обстреливали его. В нем продолжали жить люди, работали больницы и кафе, в переулках стояла артиллерия и были открыты два публичных дома — один для солдат, другой для офицеров. С окончанием лета ночи стали прохладными, бои шли в горах, за городом, обстрелами был искорежен железнодорожный мост, разрушен тоннель у реки, где проходило сражение. Однако вокруг площади по-прежнему стояли деревья, к площади вела длинная аллея, в городе были девушки, проезжал на своей машине король, и теперь иногда мы видели его лицо, маленькое тельце с длинной шеей и седую козлиную бородку. Все это вкупе с обнажившимися внутренностями домов, у которых из-за артобстрелов частично обрушились стены, вкупе со штукатуркой и щебнем в прилегающих садиках, а иногда и на улице, а также вкупе с нашими успехами в окрестностях Карсо сильно отличало нынешнюю осень от прошлогодней, когда мы стояли в деревне. Война тоже изменилась.

Дубовый лес на горе за городом исчез без следа. Летом, когда мы сюда пришли, он еще зеленел, а теперь на его месте остались только пни, сломанные стволы и развороченная земля, и однажды в конце осени, когда я был в том месте, где раньше стоял лес, я увидел облако, надвигавшееся на гору. Оно плыло очень быстро, и солн-

це потускнело, а потом все сделалось серым, небо заволокло, облако окутало всю гору, и мы внезапно оказались внутри него, и пошел снег. Ветер гнал снежные клубы, покрывая голую землю и торчащие пни, и на орудиях тоже лежал снег, а в снегу пролегали тропинки, ведущие к уборным за траншеями.

Потом я смотрел на снег уже внизу, в городе, из окна публичного дома — того, что для офицеров. Я сидел там с приятелем, перед нами стояли два бокала и бутылка «Асти», и, глядя на медленно и тяжело падающий снег, мы понимали: похоже, военные действия этого года закончились. Горы так и не были взяты: ни выше по реке, ни за ней. Все осталось на следующий год. Приятель заприметил священника, который посещал ту же столовую, что и мы. Он шел мимо по улице, осторожно ступая по слякоти, и мы постучали в окно, чтобы привлечь его внимание. Тот поднял голову, увидел нас и улыбнулся. Мой друг жестом предложил ему присоединиться к нам. Священник покачал головой и пошел дальше.

Тем же вечером в столовой после порции спагетти (их поглощали очень быстро и умело: поднимали на вилке, чтобы они свисали, а затем опускали в рот или постепенно засасывали и при этом подливали себе вина из плетеной галлоновой фляги; эта фляга качалась на металлической подставке, вы наклоняли ее горлышко вниз указательным пальцем, и вино, прозрачное, красное, терпкое и вкусное, лилось в стакан, который на-

до было придерживать той же рукой) капитан принялся подшучивать над священником.

Священник был молод, легко краснел и носил такую же форму, как и все мы, но только над левым нагрудным карманом серого френча у него был крест из темно-красного бархата. Капитан заговорил на ломаном итальянском — видимо, чтобы я лучше понимал и ничего не упустил.

— Святой отец сегодня с девчонки, — сказал капитан, поглядывая то на священника, то на меня.

Священник улыбнулся, покраснел и покачал головой. Этот капитан часто его подкалывал.

— Неправда? — спросил капитан. — Сегодня я видеть святой отец с девчонки.

— Нет, — сказал священник.

Других офицеров забавляла эта игра.

— Святой отец без девчонки, — продолжал капитан. — Священник никогда не бывать с девчонки, — объяснил он мне.

Он взял мой стакан и наполнил его, глядя мне в глаза, но не упуская из виду и священника.

— Святой отец каждая ночь пять против один. Все за столом засмеялись.

— Вы понимать? Святой отец каждую ночь пять против один.

Капитан показал жестом, что он имеет в виду, и расхохотался.

Священник воспринял это как шутку.

— Папа хочет, чтобы австрийцы выиграли войну, — сказал майор. — Он любит Франца Иосифа. Вот от кого идут деньги. Я атеист.

— А вы читали «Черную свинью»? — спросил лейтенант. — Я вам достану почитать. Эта книга пошатнула мою веру.

— Это грязная и мерзкая книга, — сказал священник. — Как она может вам нравиться?

— Книга очень стоящая, — сказал лейтенант. — Там о священниках все рассказано. Вам понравится, — обратился он ко мне.

Я улыбнулся священнику, и он улыбнулся в ответ сквозь свет стоявшей между нами свечи.

— Не читайте, — сказал он.

— Я вам достану ее, — настаивал лейтенант.

— Все мыслящие люди — атеисты, — заметил майор. — И масонам я не доверяю.

— А я доверяю, — возразил лейтенант. — Это благородная организация.

В этот момент кто-то вошел, и в проеме открытой двери я увидел, как падает снег.

— Теперь, когда начались снегопады, наступления уже не будет, — сказал я.

— Конечно не будет, — ответил майор. — Взяли бы вы отпуск. Съездите в Рим, в Неаполь, на Сицилию...

— Лучше в Амальфи, — сказал лейтенант. — Я вам дам письмо к моим родным в Амальфи. Они вас полюбят как родного сына.

— Нет, лучше в Палермо!

— Пусть отправляется на Капри!

— А я бы хотел, чтобы вы увидели Абруцци и навестили моих родных в Капракотте, — сказал священник.

— Не слушайте! Что он там говорит об Абруцци? Там снега больше, чем здесь. Зачем вам ехать к крестьянам? Поезжайте в центры культуры и цивилизации.

— Ему нужны хорошенькие девушки. Я дам вам адреса в Неаполе. Прекрасные юные девушки — и их матушки! Ха! Ха! Ха!

Капитан поднял руку, растопылив пальцы и выставив большой палец вверх, словно собирался показывать игру теней. На стену легла тень от его руки. Он снова заговорил на ломаном итальянском.

— Вы уходить такой, — он тронул большой палец, — а обратно такой, — он коснулся мизинца. Все засмеялись.

— Смотри, — сказал капитан и снова растопырил пальцы.

И вновь свет от свечи отбрасывал тень на стену. Он начал с вертикально поднятого большого пальца и перечислил по порядку:

— *Soto-tenente* (большой палец), *tenente* (указательный палец), *capitano* (средний палец), *maggiore* (безымянный) и *tenente-colonello* (мизинец). Ты уезжать *soto-tenente*! Ты возвращаться *tenente-colonello*!¹

Все засмеялись. Капитану всегда хорошо удавались подобные забавы. Он посмотрел на священника и крикнул:

¹ *Sotto-tenente* — младший лейтенант; *tenente* — лейтенант; *capitano* — капитан; *maggiore* — майор; *tenente-colonello* — подполковник (*um.*).

— Каждую ночь святой отец пять против один!

Все снова рассмеялись.

— Вам надо немедленно брать отпуск, — сказал майор.

— Хотел бы я поехать с вами и показать вам кое-что, — вторил ему лейтенант. — Привезите нам фонограф.

— Привезите хорошие пластинки с оперой!

— Привезите Карузо!

— Не привозите Карузо. Он воет.

— Не хочешь научиться выть, как он?

— Он воет. Я тебе говорю, что он воет!

— Я бы хотел, чтобы вы поехали в Абруцци, — сказал священник. Остальные продолжали препираться. — Там хорошо охотиться. И люди вам понравились бы. Правда, сейчас там холодно, но зато ясно и сухо. Можете остановиться у моих родных. Мой отец — страстный охотник.

— Пошли, пошли! — позвал капитан. — Идем в бордель, пока не закрылся.

— Спокойной ночи, — сказал я священнику.

— Спокойной ночи, — ответил он.

3

Когда я вернулся на фронт, мы все еще стояли в том же городке. В окрестностях стало заметно больше орудий, и наступила весна. Поля зеленели, на виноградных лозах появились маленькие зеленые побеги, на деревьях вдоль дороги пока-

зались листочки, с моря дул ветерок. Я увидел город на холме и наверху старый замок, похожий на чашу, а за ним — бурые горы с пробивающейся зеленью на склонах. В городе тоже прибавилось орудий, появилось несколько новых госпиталей, на улицах можно было встретить англичан, а иногда и англичанок, еще несколько домов пострадали от обстрелов. Было по-весеннему тепло, и я прошел по аллее, глядя на деревья, согретые солнечным теплом от кирпичной стены, и обнаружил, что мы по-прежнему живем в том же доме и что он выглядит так же, как и в день моего отъезда. Дверь была открыта, снаружи на скамейке грелся на солнце солдат, у бокового выхода ждала санитарная машина, а войдя внутрь, я почувствовал, как пахнет мраморными полами и больницей. Все было так же, как раньше, за исключением одного: наступила весна. Я заглянул в дверь большой комнаты и увидел майора. Он сидел за своим столом у открытого окна, и комнату заливал солнечный свет. Он не заметил меня, и я не знал, что лучше: подойти к нему с докладом или сначала подняться наверх и привести себя в порядок. Я решил все-таки подняться.

Комната, которую я делил с лейтенантом Ринальди, выходила во двор. Окно было открыто, моя кровать застелена, а мои вещи висели на стене: противогаз в продолговатой жестяной коробке и на том же крючке стальная каска. У изножья кровати стоял мой чемодан, а на нем — мои на-

чищенные до блеска зимние ботинки. Между двумя кроватями висела моя австрийская снайперская винтовка с вороненым восьмигранным стволом и прекрасно прилежавшим к щеке прикладом из темного ореха. Оптический прицел от нее, вспомнил я, был спрятан в чемодане. Лейтенант Ринальди спал на второй кровати.

Услышав мои шаги, он проснулся и сел:

— Чао! Как съездил?

— Отлично.

Мы пожали друг другу руки, он обнял меня за шею и поцеловал.

— Уф! — выдохнул я.

— Ты грязный, — сказал он, — помойся. Ну, где был, что делал? Рассказывай, не тяни.

— Да повсюду. Милан, Флоренция, Рим, Неаполь, вилла Сан-Джованни, Мессина, Таормина...

— Прямо расписание поездов. Ну а любовные приключения были?

— Были.

— Где?

— Милан, Флоренция, Рим, Неаполь...

— Все, все, хватит! А теперь скажи, где было лучше всего?

— В Милане.

— Это потому, что он был первым. И где вы с ней познакомились? В «Кова»? И куда пошли? И как тебе было? Рассказывай давай! Ты на всю ночь остался?

— Да.

— Ну, ничего. Теперь и тут есть красивые девчонки. Новенькие, никогда раньше на фронте не бывали.

— Отлично.

— Не веришь? Сегодня же пойдем, и ты увидишь. А в городе появились прекрасные английские девушки. Я сейчас влюблен в мисс Баркли. Я тебя познакомлю. Я, наверное, женюсь на мисс Баркли.

— Мне нужно помыться и доложить о прибытии. А что, сейчас никто не работает?

— С тех пор как ты уехал, у нас сплошные обморожения, желтуха, триппер, самострелы, пневмония и еще шанкры, твердые и мягкие. Каждую неделю кого-нибудь задевает обломками камней. Но есть и несколько серьезно раненных. На следующей неделе война снова начнется. Может быть, начнется. Так говорят. Как ты думаешь, если я женюсь на мисс Баркли — после войны, конечно, — это будет правильно?

— Само собой, — ответил я, наливая полный таз воды.

— Вечером все расскажешь, — сказал Ринальди. — Сейчас мне надо выспаться, чтобы быть свежим и красивым на свидании с мисс Баркли.

Я снял китель, рубашку и умылся холодной водой из таза. Вытираясь полотенцем, я оглядывал комнату, смотрел в окно и на Ринальди, лежавшего с закрытыми глазами на кровати. Он был красив, моего возраста, родом из Амальфи. Ему нравилась работа хирурга, и мы были боль-

шими друзьями. Пока я смотрел на него, он открыл глаза.

— У тебя деньги есть? — спросил он.

— Есть.

— Одолжи мне пятьдесят лир.

Я вытер руки и достал бумажник из внутреннего кармана кителя, висевшего на стене. Ринальди, не поднимаясь с кровати, взял банкноту, сложил ее и сунул в карман брюк.

— Я должен произвести на мисс Баркли впечатление состоятельного человека, — улыбнулся он. — Ты мой лучший друг и финансовый покровитель.

— Иди к черту.

Вечером я сидел в офицерской столовой рядом со священником, и он расстроился и даже обиделся, узнав, что я не поехал в Абруцци. Он написал отцу, что я приеду, и его родные готовились к встрече. Мне самому было досадно, я и сам не знал, почему не поехал. Мне ведь хотелось поехать, и я попытался объяснить ему, что так сложились обстоятельства, и он понял меня наконец: поверил, что я действительно хотел поехать, и все как-то наладилось. Я выпил много вина, потом кофе со стрегой и, охмелев, принялся рассуждать о том, что мы не делаем того, что хотим, никогда не делаем.

Мы вдвоем разговаривали, пока все остальные спорили. Да, я хотел поехать в Абруцци. Но не поехал туда, где дороги замерзают и становятся твердыми, как железо, где ясно, холодно и сухо,

а снег, сухой и рыхлый, покрыт заячьими следами, где крестьяне снимают шляпы и называют вас «доном», где прекрасная охота. Я не поехал в те места, а отправился туда, где прокуренные кафе, и ночами комната плывет перед глазами, и нужно уставиться на стену, чтобы прекратить это, и ты лежишь ночью в постели пьяный и понимаешь: вот все, что существует, и чувствуешь странное волнение, когда просыпаешься и не знаешь, кто это рядом с тобой, и мир кажется в темноте нереальным и таким захватывающим, что надо снова забыться, вернуться в ночь, твердо зная: вот все, вот все, вот все, что существует, и больше не думать ни о чем. И вдруг задумаешься очень сильно и заснешь, чтобы проснуться с этим ощущением утром, и увидишь, что все прежнее исчезло, и все стало резким, суровым и ясным, вплоть до препирательств о цене. А иногда все оказывается мило, нежно, любезно, тебя ждут завтрак и обед. Но бывает, что с тобой не деликатничают, и рад бываешь выйти на улицу, но всегда начинается новый день, а потом снова наступает ночь. Я пытался рассказать о ночи, о разнице между ночью и днем, о том, что ночь лучше, если только день не ясный и холодный, но не получилось рассказать, как не получается и сейчас. Но если с вами бывало такое, то вы знаете. С ним такого не бывало, но он поверил, что я действительно хотел поехать в Абруцци, но не поехал, и мы остались друзьями, во многом схожими, хотя и очень разными. Он всегда понимал то, чего не понимал я, а поняв, забывал. Но то-

гда я этого не знал, а узнал позже. Тем временем мы все еще сидели в столовой. Еда закончилась, но спор продолжался. Мы со священником смолкли, и капитан выкрикнул:

— Святой отец недоволен! Нет девчонка. Святой отец недоволен!

— Я всем доволен, — ответил священник.

— Святой отец недоволен! Святой отец хочет, чтобы австрийцы выиграли войну! — продолжал капитан.

Остальные прислушались. Священник покачал головой.

— Нет, — сказал он.

— Святой отец хочет, чтобы мы никогда не начали наступать. Вы ведь не хотите, чтобы мы начали наступать?

— Почему? Если война возобновится, я полагаю, мы должны атаковать.

— Должны атаковать. Будем атаковать!

Священник кивнул.

— Оставь его в покое, — вмешался майор. — С ним все в порядке.

— Все равно ничего от него не зависит, — сказал капитан.

Все встали и вышли из-за стола.

4

Утром меня разбудили выстрелы батареи, стоявшей в соседнем саду. В окно светило солнце, я встал с кровати и выглянул наружу. Посыпанные гравием дорожки были влажными, а тра-

Хемингуэй Э.

Х 37 Прощай, оружие! : роман / Эрнест Хемингуэй ; пер. с англ. А. Степанова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 416 с. — (Настроение читать).

ISBN 978-5-389-26880-7

«Прощай, оружие!» неизменно называют в числе величайших американских романов. Изданный в 1929 году, он стал вторым романом Эрнеста Хемингуэя, будущего нобелевского лауреата, и закрепил за ним репутацию одного из самых значительных писателей своего поколения. История любви, разворачивающаяся на фоне событий Первой мировой войны, во многом автобиографична: как когда-то сам автор, герой романа добровольцем отправляется на итальянский фронт, служит в транспортном отделении Красного Креста и знакомится с красавицей-медсестрой. Хемингуэй вспоминал, что чувствовал себя как никогда счастливым, создавая этот невероятно трогательный роман о влюбленных, пытающихся найти убежище в мире, обезумевшем от войны. «Тот факт, что книга получилась трагичной, меня не расстраивал, поскольку я знал, что жизнь — это трагедия и ее финал предопределен. Но понимание, что у меня получается сочинять, и настолько правдиво, что самому нравится читать, начиная с этого ежедневную работу, доставляло мне ни с чем не сравнимое удовольствие. А больше ничто не имеет значения».

Роман печатается в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ
Прощай, оружие!

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.02.2025.

Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная.

Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа	«Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —	„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,	„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

A-NAM-35880-01-R